



**В серии «Другие Миры»  
вышли книги:**

**Ника Ветрова**

Университет вредной магии. Пособие по выживанию

**Галина Гончарова**

Против лома нет вампира  
Не сотвори себе вампира

**Ольга Куно**

Горький ветер свободы  
Черно-белая палитра

**Вероника Мелан**

Ассасин  
Дэлл

**Ирина Котова**

Королевская кровь. Сорванный венец  
Королевская кровь. Скрытое пламя  
Королевская кровь. Проклятый трон

**Ольга Гусейнова**

Когда нет выбора  
Сумеречный мир

**Ольга Хусаинова**

Академия Зла. Испытание ведьмой

**Нина Бархат, Марина Багирова**

Присвоенная

**Лесса Каури**

Золушки из трактира на площади

**Жанна Лебедева**

Сиреневый черный. Гнев единорога

**Алиса Дорн**

Институт моих кошмаров. Здесь водятся драконы

**Таис Сотер**

Факультет прикладной магии. Простые вещи

**Кира Стрельникова**

Своенравный подарок

**Дарья Кузнецова**

Модус вивенди

**Ольга Романовская**

Песочные часы

**Юлия Григорьева**

Погоня за сказкой

**Ирина Зволинская**

Охота на дракона

Ирина  
Котова

**КОРОЛЕВСКАЯ  
КРОВЬ**

**ПРОКЛЯТЫЙ ТРОН**



Москва

# Мир Тура



# Часть первая

## Глава 1

*Суббота–воскресенье, середина октября  
Иоаннесбург*

### **Люк Кембрич**

Ставки сделаны, рулетка твоей собственной рукой раскручена так мощно, чтобы не было ни единого шанса отгадать результат, и стучит-скачет шарик судьбы, и жизнь замерла в ожидании: красное или черное? Красное? Или черное?

И если ты счастливчик, и если рука твоя не дрогнула и ты рассчитал усилие, то можно отвернуться на мгновение от всепоглощающего, привычного азарта и прислушаться к себе, чтобы понять: что в тебе заставляет раз за разом начинать игру снова и повышать ставки, испытывая свою удачу?

Но игра уже начата, и нужно довести этот раунд до конца. И хотя ты знаешь, что почти наверняка выиграешь, и вопрос лишь в том, что и сколько ты поставил и насколько готов рискнуть, беспокойство все равно поднимает голову. Все ли ты сделал правильно? Достаточно ли все просчитал? Нет ли того, чего ты по самоуверенности своей не заметил?

Люку снилась Марина в красном и черном. Она сидела на коленях блакорийского мага, спиной к Кембриччу, об-

хватив любовника ногами, сжав его черные волосы пальцами, и целовала.

Не трогай его, Марина. Не надо.

Светлые короткие волосы.

Будто светящаяся золотистая кожа.

Прошу. Не трогай.

Стройные ноги, напряженные бедра, изгиб тонкой спины.

Полустон оттуда. Где нет его.

Вокруг них дымчатым маревом пульсировала страсть.

Чужие руки на той, кого хочет он. Как она посмела?! Как он посмел?!

«Я не твоя», — жестко сказала Марина, оглянувшись, и голос ее подхватило эхо, и с каждой волной звука что-то било Люка в грудь, что-то, похожее на желание убивать. Он задыхался от ярости, парил на ней, раскинув руки, запрокинув голову, и ярость эта пульсировала в голове, в кулаках, в груди, и реальность плавилась, сгорала в ней, исчезала горьким едким дымом. Было горячо, ново и больно.

Он проснулся еще в темноте и лежал, глядя в потолок, чувствуя, как болит после ночного загула тело. Затем встал, как был, нагим, подошел к окну, распахнул его настежь, в осеннюю тьму и ветер, чуть не сорвав мешающуюся штору. И закурил, чувствуя на груди и бедрах, на всем своем сухощавом теле капельки морозящего косоного дождя.

— Это и есть ревность, мой болезненный друг, — сказал он себе голосом Тандаджи и хрипло рассмеялся.

Телефон молчал. Кто бы сомневался, что она не придет. Да и не нужно это.

Вчера, в субботу, у Люка был день звонков. С утра позвонил Тандаджи, коротко и сухо сообщил, что поведение Кембригча на посольской встрече в пятницу вызвало международный резонанс, и хотя газеты молчат — потому что информация распространяется только по дипломатическим и родственным каналам, — вся аристократия континента наверняка уже в курсе. А у заговорщиков тишина, будто и не было ничего.

«Не мне учить тебя ждать», — сказал ему Люк.

Шарик стучал и катился, и ничего еще нельзя было разглядеть на колесе, но сигналы о том, что все идет верно, поступали.

После двенадцати позвонила Крис и превосходно сыгранным дрожащим голосом сообщила, что ей очень жаль, но отец запретил ей встречаться с любимым Луки, потому что папочка — государственный чиновник и это может сильно навредить его карьере. И тут же добавила, что они обязательно останутся друзьями и могут встречаться в закрытых клубах, пока шумиха не уляжется. Крис так натурально всхлипывала, что Люк даже мысленно поаплодировал ей. Хотя, возможно, Валенской действительно было грустно.

Ему не было грустно, ему стало легко.

Во время обеда раздался звонок от отца, и Кембрич-старший обрушил на непутевого сына всю мощь отцовского гнева. Впрочем, это не помешало Люку наслаждаться ароматным грибным супом с янтарными каплями масла на поверхности и превосходным мясным паштетом, которые его добрая повариха Марья Алексеевна приготовила в утешение — она всегда чувствовала, когда у хозяина проблемы. Но на этот раз, в принципе, и чувствовать не пришлось — все было, так сказать, налицо. Хорошо хоть, что после работы хирурга и виталистов он мог жевать и внятно говорить, а нос, как обещали, скоро перестанет ощущаться чужеродным элементом. Шрамы тем не менее еще оставались, красные, шелушащиеся, неровные, и Люк, глянув в полированную гладь стола, усмехнулся. Он и так не был красавцем, а сейчас лицо и вовсе напоминало перепаханное поле. И пусть рубцы станут почти незаметными через два-три сеанса у виталиста, сеточка белых нитей всегда будет напоминать о кулаках принца-консорта.

— Ты опозорил нас, опозорил семью, — разорвался Кембрич-старший, и Люк кривился, поднося ко рту ложку с супом, — потому что сейчас отец был прав. — Счастье, что в твоей голове хватило ума не отвечать Байдеку, иначе мы были бы уже прокляты! Как ты докатился до такого, сын, что мне невозможно приехать к тебе, потому что моя репутация и так под угрозой? Скоро выборы главы партии,

и из-за тебя придется уступить место этому Савинскому! Что ты молчишь?

— Я слушаю тебя, — вежливо ответил Люк, прижимая трубку к плечу и намазывая горячий, сладко пахнущий хлеб желтым маслом.

— Мне бы лишить тебя наследства, — грозно сказал граф Кембритч.

«Но ты не можешь», — с удовлетворением подумал Люк.

— Как только королева вернется, я буду просить ее принять твои извинения. И ты принесешь их, сын, ты меня понял? Публично! И, если понадобится, в ногах будешь валиться, но вымолишь прощение. Понял, сын?

— Я все понял, — покладисто сообщил виконт, — все сделаю, папенька. Если ты уговоришь принять мои извинения, я буду твоим должником.

Граф тяжело дышал в трубку, и Кембритч вдруг вспомнил, что ему уже немало лет.

— Люк, — произнес его родитель весомо, — прекращай пить. Ты уже не мальчик, пора остепениться, я же знаю, что голова у тебя светлая. Хватит гулять, найди себе хорошую жену, пусть не принцессу, рожай детей, входи в дела графства. Тебе быть лендлордом. Мы не вечны, сын.

— А как же укрепление позиций рода и усиление крови? — с сарказмом спросил лорд-младший. — Я ведь все еще официально обручен с первой Рудлог, неужели откажешься от таких перспектив?

— Какое обручение, — разочарование так и скользило в голосе старого политика, — кто тебя теперь к этой семье подпустит, сын? Хорошо, что хоть журналистов с возвращением Рудлогов заткнули, и простые граждане нас не полощут. Какой позор! Боги, какой позор! Сколько времени и сил придется потратить, чтобы все исправить!

Восклицания снова пошли по кругу, как и увещевания, и Люк вежливо слушал, давая отцу выговориться, пока тот не выдохся и не положил трубку.

Потом пошли звонки на городской телефон. Дворецкий вежливо отвечал, вычеркивая приглашения и запланированные визиты из светской карты. Люка это не трогало. Он и раньше-то не вызывал у рудложских аристократов силь-



ного восторга, и только титул заставлял искать его общества и приглашать на обеды и ассамблеи. А теперь от него воротили носы.

Кембритч-младший набрал мать и долго ждал, пока чопорная инляндская экономка позовет к телефону леди Шарлотту.

— Сынок, — сказала она тепло. И Люк сразу расслабился, забылся так, что даже потер пальцем нос, как делал в детстве.

— Как ты? — обеспокоенно спросила она. — Сильно болит?

Мама была единственной, кто всегда был за него. Даже когда он укусил кузена Лазаруса за руку, она только спросила, все ли зубы целы. Хотя Лози был младше Люка на два года.

И даже когда он чуть не угробил себя наркотой и пьянками, леди Шарлотта не отвернулась от непутевого сына.

— Терпимо, мам, — ответил он. — Все нормально. Там у вас сильно шумят?

— Пошумят и успокоятся, — мягко успокоила его мать. — С нашими Инландерами твой поступок — легкое недоразумение. Так что при дворе ты не главная новость, сынок. Вот, например, принца Лоуренса Филиппа женили на Диане Форштадтской, так ведь до сих пор чудит. Скоро пол-Форштадта станут на него похожи. И это второй принц! А наследник на прошлой неделе чуть не свернул себе шею на скачках. Луциус после этого специальным указом запретил ему участвовать в подобных мероприятиях. От короля, кстати, снова прислали письмо с требованием, чтобы ты вернулся и принял титул моего отца.

— Инландер выдал тебя за Кембритча, мама, — резко напомнил Люк, — и требовать он ничего не может.

— Да? — с сомнением спросила леди Шарлотта.

Виконт быстро перевел разговор на другую тему.

— Сейчас сезон в Лаунваите, мам. Почему ты не выехала в городской дом? Хватит пылиться в поместье. Тебе сколько сейчас? Сорок? Сорок один?

Она засмеялась.

— Мне пятьдесят два, мальчик мой, и прекрати льстить, ты все время повторяешь эту шутку. Что мне там делать? Я, пока была замужем за Кембритчем, растеряла все связи. А заводить новые... я слишком долго была одна и слишком привыкла к этому. Тем более что Бернард сейчас дома, приехал на каникулы из училища.

Берни был младше Люка на пятнадцать лет, а сестра, Маргарета, — на семнадцать. Поэтому общались они с трудом.

— А вот если, — с намеком добавила мать, — ты приедешь к своей старушке, то, может, я и захочу стряхнуть пыль с диванов лаунвайтского дома, сынок. И даже потанцую с тобой на одном из балов столичного сезона. Здесь все двери будут открыты перед тобой, не сомневайся.

— Может, и приеду, мам, — ответил Люк задумчиво. — Скорее всего, так и получится.

Ближе к вечеру позвонил Нежан Форбжек, один из подозреваемых в участии в заговоре, и как ни в чем не бывало сообщил, что в следующий четверг у Романа Соболевского снова карточная вечеринка, на которой Люка будут рады видеть и принять, потому что он произвел отличное впечатление на хозяина дома. А на Крис не надо сердиться, потому что она дура, сама всё разболтала, и папаша ее дурак, и братец, хоть они и приятельствуют, дурак, а вот он, Люк, ничего такого не сделал страшного и с ним обошлись несправедливо.

Люк соглашался, жаловался, возмущался, бормотал что-то полупьяным голосом и распроцался, называя Форбжека дорогим другом и единственным, кто его понимает.

Потом он позвонил Тандаджи и отчитался о разговоре.

Делать было нечего, суббота тянулась вязко и медленно, телевизор раздражал, как и бездействие, да еще и нос разнылся. Слуги ходили тихие, дом казался гулким, большим, и Люк спустился в холодный пустой спортзал, переоделся, обмотал кулаки эластичным бинтом. Размялся пятнадцать минут — поворачивал плечами, покрутил головой, чувствуя, как отдает болью в лицо, понаклонялся, поотжимался. Начал «бой с тенью» — обязательный разминочный



*Люк Кембридж*

бой с невидимым противником. И затем, слыша, как гулом откликаются на удары стены, стал избивать боксерскую грушу, повторяя джебы, свинги и апперкоты, боковые и прямые удары, со свистом выдыхая воздух, ощущая, как бежит пот по спине, и то и дело поглядывая на лежащий на скамейке телефон.

Он весь субботний день подспудно ждал только одного звонка и был уверен, что она позвонит. Ведь набрала же она его в пятницу. Не удержалась.

Люк развернулся и ударил по груше коленом, затем прямой ногой, добавляя к элементам бокса удары из восточной борьбы. Провел серию подходов со скакалкой, уже не обращая внимания на дергающую боль.

Подошел к телефону и набрал номер. Послушал гудки, отключился, снова ушел к груше — тренировать нижние удары и крученые, с подсечками. Ему очень не хватало реального противника. Того, кому можно было бы отвечать.

Марина не брала трубку ни в следующий раз, ни через один, а он с упорством барана возвращался к скамейке и снова и снова набирал, потому что она должна была ответить — не могла она выдержать и не ответить. Только не Марина.

На последнем звонке она сбросила вызов, сообщение проигнорировала, и Люк, устав, как будто тащил на себе многотонный груз и не дотащил, потому что не хватило сил, пошел плавать в теплом бассейне, поглядывая на лежащую на бортике трубку.

Он вел себя как идиот и, осознав это, быстро собрался, надел полумаску и уехал в один из тех полуполицельных ночных бойцовских клубов, где могли сойтись в поединке и аристократ, и простой горожанин, и никому не было дела до того, кто ты, если ты хорошо дерешься и не боишься крови.

Люк курил в распахнутое окно, мерз, но упорно не закрывал его. Болело тело, тянуло в груди. Было пять часов утра воскресенья, и телефон молчал.

## Марина

— Если я ради тебя сяду на это животное с утра, — сказал Мартин фон Съедентент таким тоном, будто разговаривал с ненормальной, — то вечером ты будешь ублажать меня в Блатории.

Вообще у него был повод быть несколько недовольным, потому что я опять разбудила его с утра пораньше, как только проснулась сама, и предложила поехать со мной на ипподром. Слишком много эмоций было вчера во время безобразного спектакля, устроенного Люком на посольской встрече и потом, когда я звонила ему, слишком много ненужных мыслей — а выездка как ничто другое успокаивает и приводит голову в порядок.

— Все, что захочешь, мой грозный господин, — мурлыкнула я в трубку, посмеиваясь и старательно убирая из головы картинки окровавленного Кембритча, звериные желтые глаза убивающего его Мариана и белую как полотно Василину.

— У нас как раз склон новый открыли, — пояснил Март, — поставлю тебя на лыжи и столкну с горы, чтобы насладиться криками ужаса. Мой невыспавшийся организм заслуживает удовлетворения от мелочной мести.

— Я умею кататься, — сообщила я, вставая с кровати, — так что мечь не удастся. Придумаешь что-нибудь другое.

— Тогда после склона будешь сидеть рядом в номере, трепетно держать меня за руку, наливать глинтвейн, — маг зевнул, и мне стало немного совестно, — и кормить конфетками.

— Мартюша, — сказала я нежно, — осознаю, что я эгоистичное чудовище. Ложись досыпай, а я сама съезжу. Просто с тобой весело. А встретимся завтра.

— Нет, — ответил он мрачно, — завтра ко мне собирается ваш придворный маг и, к моему несчастью, мой одногруппник Зигфрид. Ему запрещено рассказывать, что происходит во дворце, поэтому он просто смотрит печальными собачьими глазами и уничтожает мои запасы алкоголя. Вы его там бьете, что ли? И, Марин, если я еще раз услышу от тебя «Мартюша» или, не дай боги, «Мартик», я тебя отшлепаю. Понятно, ваше высочество?

— Понятно, — поспешно согласилась я. — Какой ты все-таки грозный по утрам. Может, все-таки спать?

— Все равно уже не засну, — он куда-то зашагал, — так что давай, используй своего безвольного друга.

— Хочешь, я накормлю тебя завтраком в ресторане? Рядом с ипподромом есть чудное место, «Копытца». Мне очень-очень стыдно, правда, — призналась я, заходя в ванну.

— Это хорошо, — из трубки раздался звук зашумевшего душа, — значит, я правильно изобразил страдальца. Тобой так легко манипулировать, высочество. Я прямо почувствовал себя злодеем.

Я возмущенно фыркнула, и он злодейски захохотал в трубку.

— А насчет завтрака, — блакориец отсмеялся, зашуршал чем-то, — так и скажи, что жаждешь поскорее меня лицезреть.

— В этом можешь даже не сомневаться, — произнесла я немного невнятно, потому что в этот самый момент открывала зубами колпачок с зубной пасты.

— Тогда могу прийти к тебе сейчас, — сказал маг очень низким порочным тоном, но было понятно, что при этом он улыбается во весь рот, — примем вместе душ, разделим полотенце...

— Боюсь, моя горничная не вынесет тебя в половинке полотенца, — прошепелявила я. Паста во рту холодила и нетерпеливо ждала щетки. — Так что давай через полчаса. Я тебя покормлю, потом арендуем тебе самую смирную и хорошенькую кобылку. А вечером, обещаю, держать за руку буду очень нежно.

Мартин отключился, и я усердно заработала щеткой. Вот почему с ним так легко разговаривать? Никакого напряженного молчания, никаких истерических ощущений. Шуточки у нас довольно откровенные, и все равно никакой неловкости. А вчера я только от одного звука голоса побитого Кембритча чуть с ума не сошла. Это невыносимо — так злиться на него и при этом знать, что он в одном с тобой городе, в десяти минутах езды от дворца, что достаточно нажать на кнопку телефона и услышать его. И ненавидеть себя, потому что никак не можешь забыть.

«Тебе просто нужно переспать с ним и избавиться от наваждения».

Я чуть щетку не проглотила.

«Восхитительная идея».

«Ты понимаешь, что не сможешь строить другие отношения, пока не избавишься от него в своей голове?»

«Но... возможно...»

Мне было страшно додумывать мысль, и я дернулась к душе, включила зачем-то воду, хотя изо рта еще торчала щетка. Потом вернулась, взглянула прямо и жестко на себя в зеркало.

«Трусиха».

«... Возможно, я не хочу от него избавляться».

«Он же для тебя ничего не значит».

— Верно, — твердо сказала я вслух. Внутренний голос хмыкнул.

«И простить не можешь».

«Не могу. И не прощу».

Из запотевшего зеркала на меня смотрела самая глупая женщина в мире.

Подаренный Люком жеребец встретил меня ласково и немного укоризненно — хотя с ним и занимались, и гуляли в мое отсутствие. Поначалу немного заартачился, показал обиду, но затем спокойно дал себя оседлать и весьма бодро вышел на дорожку.

Мартин забраковал предложенную смирную кобылку и, сообщив, что вообще-то научился ездить верхом едва ли не раньше моего деда, выбрал себе серого красавца с надменной мордой. Животные ревниво косились друг на друга, но слушались, а я наслаждалась ощущением того, как вспоминает тело правильную посадку, положение ног, упор ступней, как руки правильно ложатся на поводья, словно и не было этого перерыва. Через полчаса я так осмелела, что пустила своего Пастуха вскачь и даже взяла один барьер — для младших учеников. Потомок чемпионов презрительно фыркал, но я была счастлива.

Мартин не осторожничал, и мне было страшно смотреть на то, что он вытворял. Все-таки конь не был приручен